

Мышцын В. Н. Из области библиологии: (Обозрение некоторых трудов по Ветхому Завету в иностранных богословских журналах за 1897 и 1898 гг.) // Богословский вестник 1898. Т. 3. № 8. С. 225–237 (2-я пагин.).

ИЗЪ ОБЛАСТИ БИБЛИОЛОГИИ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы намѣрены познакомить русскихъ читателей съ содержаніемъ нѣкоторыхъ трудовъ по Ветхому Завету, находящихся въ иностранныхъ богословскихъ журналахъ за прошлый и нынѣшній годъ. Иностранная періодическая литература довольно богата статьями по нашему предмету, содержаніе которыхъ, хотя по ограниченности захватываемой ими области и недостаточно для цѣлой книги, однако всегда даетъ нѣчто дѣйствительно новое и основательно обслѣдованное. Конечно не всѣ журнальныя статьи библейскаго характера отличаются этими свойствами. Одни изъ нихъ совершенно заурядны и не новы какъ по предмету, такъ и по выводамъ; другія настолько спеціальны, что представляютъ мало научнаго интереса даже для ученаго. Мы хотимъ познакомить читателей лишь съ работами, отличающимися дѣйствительною оригинальностью и имѣющими, по всей вѣроятности, оказать вліяніе на послѣдующіе библіологическіе труды. Можетъ быть читатель ' пожалѣетъ, что большая часть такихъ работъ касается изученія библейскихъ текстовъ, и сравнительно немногія имѣютъ характеръ экзегетическій и историко-археологическій. Но съ этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ примириться въ виду того, что оно является типичнымъ и для всей западной современной библейской науки.

Извѣстно мѣсто изъ пророка Езекиіля, гдѣ многіе ученые находятъ основаніе видѣть упоминаніе о русскомъ народѣ. Мѣсто это—пророчество о Гогѣ въ землѣ Магогъ, князь *Роша*, Мешеха и Оувала, имѣющемъ со всѣмъ своимъ многочисленнымъ войскомъ изъ народовъ азіатскихъ, европейскихъ и африканскихъ погибнуть на горахъ Израіля (гл. 38 и 39). Въ виду того, что имена Мешехъ и Оу-

валъ, стоящія рядомъ съ именемъ Рошъ, означаютъ народы, жившіе на югѣ кавказскихъ горъ, и въ виду довольно частаго упоминанія византійскихъ и арабскихъ писателей о скиоскомъ народѣ съ именемъ Рошъ или Росъ (напр. Михаилъ Гликасъ говоритъ *οἱ σκῆσαι τοῦτ' ἐστὶ οἱ Ρωσοί*; подобно и Никита Хроникеръ, Левъ Діаконъ и др.), большинство ученыхъ экзегетовъ полагаютъ, что именемъ Рошъ въ пророчествѣ Езекииля обозначаются предки русскаго народа скины, населявшіе земли около Днѣпра, Дона и Волги. Самое пророчество о страшной гибели Гога, князя Роша, Мешеха и Оувала, обыкновенно относится толкователями къ отдаленному будущему, къ послѣднимъ временамъ міра. — Совершенно новое пониманіе пророчества о Гогѣ предлагаетъ Бёмеръ на страницахъ *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie* (1897, III, 321—355). Уже давно вниманіе комментаторовъ обращало на себя то повидимому странное обстоятельство, что пр. Езекииль въ своихъ пророчествахъ о судьбѣ враждебныхъ Израилю языческихъ народовъ ни разу не упомянулъ о главномъ врагѣ его — Вавилонѣ. Въ главахъ 25 — 32 пророкъ угрожаетъ многимъ народамъ, ближайшимъ сосѣдямъ Израиля и отдаленнымъ государствамъ, большимъ націямъ и незначительнымъ племенамъ, которыя имѣли какое-нибудь отношеніе къ Израилю. Но Вавилонъ, какъ предметъ угрозы, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Обращаетъ Бёмеръ вниманіе и на то, что въ упомянутыхъ главахъ пророка перечисляется лишь *шесть* народовъ, тогда какъ обычный счетъ у него *семь*, проходящій чрезъ всю книгу. Ясно, что пророкъ имѣлъ въ виду еще одинъ народъ, который конечно скорѣе всего могъ быть вавилонскимъ. Да и современники рѣчей Езекииля въ правѣ были ожидать отъ него пророчествъ о судьбѣ Вавилона, составлявшаго общій предметъ пророческихъ предсказаній. Однако само собою разумѣется, Езекиилю было неудобно, живя въ плѣну, открыто угрожать въ своихъ предсказаніяхъ Вавилону. Не желая, чтобы угрозы его отозвались въ концѣ концовъ на его соотечественникахъ, пророкъ долженъ былъ облечь свои угрозы въ какую либо прикровенную форму, понятную іудеямъ и непонятную для вавилонянъ. Для этой цѣли онъ пользуется именемъ Гогъ въ землѣ Магогъ. Это никто иной, какъ царь Вавилона. За это говоритъ самое содер-

жаніе пророчества о Гогѣ. Прежде всего заслуживаетъ вниманія географическое положеніе народовъ, главою которыхъ является Гогъ. Мешехъ и Оуваль суть мало-азійскіе народы, жившіе на юговосточномъ берегу Каспійскаго моря. Чтоже касается Рошъ, то по ассирійскимъ надписямъ это была пограничная Эламитская область, непосредственно примыкавшая къ Вавилоніи. Другіе перечисленные пророкомъ народы, бывшіе въ союзѣ съ Гогомъ, Парась (Персы), Кушь (Коссеи, жившіе на сѣверѣ и сѣверовостокѣ отъ Вавилоніи), Гомеръ (Каппадокійцы) и Тогарма (Арменія) образуютъ своимъ географическимъ положеніемъ окружность, въ центрѣ которой находится Вавилонія. Описаніе полчища Гога, опустошенія страны іудейской, возвращенія изъ плѣна, имѣетъ прямое отношеніе къ Вавилону. Слова пророка: *такъ говоритъ Господь Богъ: не ты ли тотъ самый, о которомъ Я говорилъ въ древніе дни чрезъ рабовъ моихъ пророковъ Израилевыхъ, которые пророчествовали въ тѣ времена, что Я приведу тебя на нихъ*“ (38, 17), всего болѣе могутъ быть отнесены къ Вавилону. Итакъ Гогъ отъ Магога есть царь вавилонскій. Но почему такое имя избралъ пр. Езекииль? На этотъ вопросъ можно отвѣтить при помощи аналогій, находимой у пророка Іереми. Послѣдній въ 25, 26 и 51, 1 называетъ въ числѣ языческихъ царей, имѣющихъ испить чашу съ виномъ ярости, царя Сесаха. Имя это не встрѣчается ни въ какихъ историческихъ памятникахъ и, прежде бывшее предметомъ недоумѣнія, теперь ясно для всякаго. Какъ извѣстно, слово это составлено искусственно по такъ называемому способу *атбашъ*, по которому вмѣсто первой буквы еврейскаго алфавита берется послѣдняя, вмѣсто второй отъ начала вторая отъ конца и наоборотъ (отсюда а-тб-ш). Сдѣлавъ такую замѣну въ словѣ, состоящемъ изъ трехъ согласныхъ: **שש**, соответствующими еврейскими буквами отъ конца алфавита, получимъ слово **לל** т. е. Вавилонъ. Слѣдовательно, царь Сесаха есть царь Вавилоня. Ичто подобное мы находимъ и въ выраженіи: Гогъ отъ Магога. Если въ словѣ **בבל** (babel) вмѣсто каждой изъ трехъ согласныхъ взять слѣдующую въ порядкѣ алфавита, то получимъ **ללל**. Слѣдуетъ лишь отнять послѣднюю согласную въ этомъ словѣ или поставить ее въ началѣ, и мы получимъ въ

первомъ случаѣ גג (т. е. Гогъ), во второмъ גגג (т. е. Магогъ).—Объясненіе Бёмера остроумно и довольно правдоподобно. Однако нельзя не замѣтить, что при такомъ пониманіи главнаго субъекта пророчества Езекииля приходится отсунуть отъ буквы его. Пророкъ ясно говоритъ о гибели Гога со всѣмъ его войскомъ на горахъ Израилевыхъ, чего нельзя конечно сказать о вавилонянахъ. Бёмеръ говоритъ, что пророкъ этими словами вообще хочетъ указать причину гибели вавилона въ тѣхъ бѣдствіяхъ, какія нанесъ онъ Израилю. Но это объясненіе не вполне устраняетъ указанное затрудненіе. Не употребилъ ли пророкъ имя Вавилона въ его таинственной формѣ въ смыслѣ типическомъ, обобщая подъ нимъ всѣхъ будущихъ враговъ Израиля? Слѣдуетъ замѣтить, что употребленіе именъ Гога и Магога въ смыслѣ не лицъ, а народовъ или странъ въ апокалипсисѣ (XX, 7) подтверждаетъ указываемое Бёмеромъ происхожденіе этихъ именъ.

Въ журналѣ *Theologische Quartalschrift* (1897. I, 1—26) профессоръ Bludau посвящаетъ статью интересному вопросу, какъ объяснить сходство между Апокалипсисомъ Іоанна Богослова и Θεодотіоновымъ переводомъ книги пр. Даниила. Ни одна ветхозавѣтная книга не стоитъ въ такой тѣсной связи съ Апокалипсисомъ, какъ книга Даниила, называемая часто апокалипсисомъ Ветхаго Завѣта. Эта связь выражается между прочимъ въ томъ, что Іоаннъ Богословъ часто приводитъ мѣста изъ книги Даниила и притомъ въ формѣ, болѣею частью сходной съ переводомъ Θεодотіона. Насколько велико иногда это сходство, можно видѣть, напримеръ, изъ слѣдующаго сравненія: Апок. XX, 11: καὶ τόπος οὐχ ἐβρέθη αὐτοῖς—Дан. II, 35, у Θεодотіона: καὶ τόπος οὐχ ἐβρέθη αὐτοῖς, у IXX: ὥστε μηδὲν καταλειθῆνοι ἐξ αὐτῶν. Подобныхъ примѣровъ можно указать не мало (ср. Апок. IX, 20—Дан. V, 23; Апок. X, 6—Дан. XII, 7; Апок. XI, 7—Дан. VII, 21; Апок. XIX, 5—Дан. X, 6 и др.). Какъ же явилось это сходство? Самъ Іоаннъ Богословъ, повидимому, не могъ знать переводъ Θεодотіона, жившаго во II-мъ вѣкѣ. Отсутствие же вариантовъ въ рукописяхъ Апокалипсиса не позволяетъ предположить, что текстъ его въ позднѣйшее время былъ исправленъ по переводу Θεодотіона. Противъ этого говоритъ и то, что въ нѣкоторыхъ

случаяхъ чтеніе Апокалипсиса болѣе приближается къ LXX въ кодексѣ Chisianus, чѣмъ къ переводу Θεοδοτία. Нельзя объяснить указаннаго сходства и тѣмъ, что Іоаннъ Богословъ пользовался непосредственно подлинникомъ книги пр. Даниїла, къ которому переводъ Θεοδοτία, какъ извѣстно, ближе, чѣмъ переводъ LXX. Совпаденіе чтеній у Іоанна Богослова и въ переводѣ Θεοδοτία, доходящее до полнаго тождества даже тамъ, гдѣ оба они не буквально передаютъ подлинникъ, не могло быть, очевидно, случайнымъ, но предполагаетъ ихъ зависимость. Остается предположить, что еще во времена Іоанна Богослова, рядомъ съ извѣстнымъ александрійскимъ переводомъ книги Даниїла существовалъ другой неизвѣстный намъ греческій переводъ, близкій къ переводу Θεοδοτία. На самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, чтобы ученые александрійскіе іудеи въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій не замѣтили громадныхъ отступленій перевода LXX отъ подлиннаго текста Даниїла и не сдѣлали попытки исправить его или сдѣлать новый переводъ. Что переводъ Θεοδοτία или подобный ему существовалъ ранѣе самого Θεοδοτία, еще въ началѣ новозавѣтной эры, это доказывается и близостью къ нему въ пѣкоторыхъ мѣстахъ Евангелій (Мат. XIII, 32—Дан. IV, 9; Мат. XIII, 43—Дан. XII, 3 и др.) и особенно посланія къ евреямъ. Ср. напр., Евр. XI, 33: *ἔφραξαν στόματα λεόντων* и Дан. VI, 22 у Θεοδ.: *ἐρέφραξεν τὰ στόματα τῶν λεόντων* (у LXX: *σέσωξέ με ὁ Θεὸς ἀπὸ τῶν λεόντων*). Эготъ цитатъ изъ Даниїла находится и въ Пастырѣ Гермы (IV, 24: *ἐρέφραξεν τὸ στόμα αὐτοῦ*). Климентъ Римскій (въ 1-мъ посланіи 34, 6) пользуется цитатомъ изъ Даниїла VII, 10 въ переводѣ Θεοδοτία. Что еще важнѣе, мы замѣчаемъ сходство между Даниїломъ у Θεοδοτία и греческой книгой Варуха (напр.: Вар. II, 14—Дан. IX, 17. 19; Вар. II, 16—Дан. IX, 18; Вар. II, 11—Дан. IX, 15 и др.). Сходство это такъ велико, что его можно объяснить лишь дѣйствительною ихъ зависимостью. Любопытно и то, что Іосифъ Флавій, пользовавшійся для книги пр. Даниїла исключительно переводомъ LXX, пророчество о седмицахъ понимаетъ въ смыслѣ опустошенія Іерусалима, тогда какъ LXX относятъ его къ преслѣдованіямъ Антіоха. Очень вѣроятно, что Іосифъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ какому-

либо другому переводу, болѣе близкому къ подлиннику, чѣмъ переводъ LXX. Наконецъ, та легкость, съ какою Иринеи и Пинолитъ Римскій приняли переводъ Θεοδοτία, не смотря на то, что Иринеи считалъ LXX толковниковъ боговдохновенными, отчасти свидѣтельствуесть о томъ, что текстъ, лежащій въ основѣ перевода Θεοδοτία, былъ извѣстенъ и признанъ уже ранѣе ихъ. А что дѣйствительно въ древнее время, кромѣ переводовъ LXX, Акилы, Симмаха и Θεοδοτία, были и другіе греческіе переводы, это доказываютъ уже анонимные переводы (Квинта и Секста) въ экзиплахъ Оригена. Итакъ, надо полагать, что Θεοδοτίου не далъ новаго перевода взаменъ LXX, а лишь исправилъ послѣдній, на основаніи другаго древняго перевода, извѣстнаго еще новозавѣтнымъ священнымъ писателямъ.

Въ двухъ книжкахъ журнала *Zeitschrift f. Wissensch. Theologie* (1897, 1—2) помѣщена большая и весьма обстоятельная статья Staerk'a подъ заглавіемъ: „Ветхозавѣтные цитаты въ Новомъ Завѣтѣ“. Сравнивъ всѣ ветхозавѣтныя выдержки въ Новомъ завѣтѣ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ. Чтеніе ветхозавѣтныхъ мѣстъ у новозавѣтныхъ священныхъ писателей ближе всего къ александрійскому кодексу, затѣмъ къ синайскому и рецензій Лукіана, тогда какъ нѣтъ ни одного цитата, который носилъ бы характерныя черты чтенія ватиканскаго кодекса. Какъ объяснить глубокое сходство новозавѣтныхъ цитатъ изъ В. З. съ указанными рукописями LXX, есть ли оно слѣдствіе систематическаго исправленія, и если такъ, то на какой сторонѣ нужно признать первоначальность? Повидимому, всего естественнѣе предположить, что переводъ LXX былъ прокорректированъ по новозавѣтнымъ цитатамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда эти цитаты имѣли догматико-апологетическій смыслъ, отмѣченный священными писателями словами: *ἡρα πλωθῆ τὸ ῥηθὲν διὰ τοῦ προφήτου*. Съ этой точки зрѣнія Staerk подвергаетъ анализу всѣ ветхозавѣтныя цитаты и приходитъ къ выводу, что лишь въ четырехъ случаяхъ можно допустить возможность корректуры LXX по Новому Завѣту, но и то возможность, такъ какъ очевидныхъ доказательствъ или рациональных основаній въ пользу такихъ измѣненій указать нельзя; другими словами, нигдѣ съ рѣшительностью нельзя утверждать, что ново-

завѣтные цитаты изъ В. З. имѣли вліяніе на текстъ LXX. Анализъ цитатъ приводитъ автора къ обратному результату. Въ однихъ случаяхъ несомнѣнно, что лишь чтеніе александрійской и синайской рукописей съ рецензіей Лукіана могло дать поводъ новозавѣтнымъ св. писателямъ воспользоваться ветхозавѣтными мѣстами, какъ цитатами; въ другихъ случаяхъ авторъ находитъ несомнѣнные слѣды позднѣйшихъ корректуръ новозавѣтныхъ цитатъ по переводу LXX. При такомъ взглядѣ на дѣло, александрійская рукопись, обычно признаваемая за обработку LXX по гекзапларному тексту, получаетъ особую цѣну, какъ общераспространенная въ 1 и 2 вѣкахъ рецензія LXX, какъ *zōnē êkδοσις* LXX. Однако этимъ, говоритъ Staerk, не рѣшается вопросъ о сравнительной древности и первоначальности александрійскаго и ватиканскаго кодексовъ. Есть ли ватиканскій кодексъ древнѣйшій, но къ 1 в. уже вышедшій изъ употребленія форма LXX и замѣненная новой рецензіей — александрійской, или, наоборотъ, она есть плодъ позднѣйшихъ стараній привести въ согласіе первоначальный видъ LXX съ еврейскимъ текстомъ? Авторъ не находитъ еще возможнымъ отвѣчать на этотъ вопросъ, говоря, что для него необходимъ новый тщательный анализъ текста LXX, отъ начала до конца. Можетъ быть онъ вступитъ въ новую стадію съ выполненіемъ великаго англійскаго изданія LXX, такъ какъ труды Гольмеса и Парсона для этой цѣли оказываются недостаточными. Для окончательнаго рѣшенія указапнаго вопроса необходимъ, наконецъ, анализъ библейскихъ цитатъ у Отцовъ церкви, что открываетъ новое поле для критическихъ работъ.

Въ связи съ указанными двумя изслѣдованіями въ періодическихъ изданіяхъ имѣетъ немалый интересъ книга Адама Меца, вышедшая еще въ 1895 году подъ названіемъ *Die Bibel des Iosephus*. Поэтому мы позволимъ себѣ изложить главныя положенія автора. На основаніи анализа V—VII книгъ археологіи Іосифа Флавія Мецъ рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи текста ея къ тексту библіи. До него этотъ вопросъ оставался еще въ неопредѣленномъ положеніи. Въ то время какъ одни ученые (Reuss, Bloch, Schüger и др.) склонялись ко взгляду, что Іосифъ пользовался одинаково какъ еврейскимъ, такъ и греческимъ текстомъ библіи,

Корниль въ своемъ Введеніи въ В. З. заявляетъ, что „александрійская библія ко времени Иисуса была во всеобщемъ употребленіи; Филопъ и Иосифъ исключительно пользуются ею“ (298). Одною изъ причинъ такого разногласія ученыхъ служило отсутствіе хорошаго изданія сочиненій Иосифа. Новое изданіе Niese дало поводъ и полную возможность Мецу поставить этотъ вопросъ на твердую почву. Онъ сравниваетъ сначала собственныя имена, а потомъ вообще историческія свѣдѣнія, въ различныхъ текстахъ библіи и въ археологіи Иосифа. При этомъ онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что рѣшать вопросъ о томъ, какимъ текстомъ, еврейскимъ или греческимъ, пользовался Иосифъ, на основаніи такихъ именъ, какъ *Μωυσῆς* и *Σαμψών*, какъ дѣлали это до сихъ поръ, можно съ тою же основательностью, какъ изъ различныхъ формъ этихъ именъ во французской библіи Reuss'a („Moïse“ и „Samson“) и нѣмецкаго его перевода („Moses“ и Simson“) заключать о различныхъ еврейскихъ оригиналахъ для того и другаго изданія. Другими словами, Иосифъ могъ взять эти формы столь извѣстныхъ именъ изъ практическаго употребленія, а не изъ бывшаго въ его рукахъ библейскаго текста. Мецъ предпочитаетъ сравненіе мало извѣстныхъ и мало употребительныхъ именъ, находимыхъ въ книгахъ I. Навина, Судей и Самуила. Онъ разсматриваетъ 153 случая употребленія собственныхъ именъ у Иосифа. Изъ историческихъ свѣдѣній Мецъ, какъ и слѣдуетъ, сравниваетъ лишь такія, въ которыхъ Иосифъ отстываетъ или отъ еврейскаго или отъ греческаго текста библіи. Окончательный результатъ его анализа таковъ:

1) Текстъ Иосифа не имѣетъ никакого соотношенія съ текстомъ ватиканскаго кодекса. Ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ авторомъ случаевъ Иосифъ не пользуется чтеніемъ этой рукописи, отступая отъ другихъ; напротивъ во всѣхъ своихъ прибавленіяхъ и опущеніяхъ онъ стоитъ съ нимъ всегда въ контрастѣ. Объясняя это обстоятельство, Мецъ предполагаетъ, что ватиканскій кодексъ представляетъ собой экземпляръ египетской библіи; однако окончательное утвержденіе этого предположенія онъ ставитъ въ зависимость отъ изслѣдованія ветхозавѣтныхъ цитатъ у Климента Ап. и Филона, для котораго необходимо новое изданіе.

2) Еврейскому тексту Иосифъ слѣдуетъ по пятамъ въ книгѣ I. Навина. Его текстъ весьма близокъ къ еврейскому подлиннику, но по временамъ имѣетъ и любопытные варианты. Такъ въ V, 83 своей археологiи Иосифъ читаетъ *ἄρα Γαζάρων*; подобное находимъ и въ кодексахъ алекс. и ватик.: *ἕως... Γαζάρα*. Въ еврейскомъ же текстѣ такого выраженiя нѣтъ совсѣмъ. Однако, по мнѣнiю Меца, не слѣдуетъ думать, что Иосифъ воспользовался въ данномъ случаѣ текстомъ LXX, такъ какъ, въ виду замѣчательнаго согласiя всѣхъ рукописей LXX въ этомъ чтенiи, слѣдуетъ признать опущенiе собственнаго имени въ текстѣ мазоретскомъ. Въ еврейскомъ же оригиналѣ Иосифа оно еще было. Въ той же книгѣ въ 33 главѣ Иосифъ пишетъ: *Ἄχαρος δέ τις Ζεβεδαίου παῖς*. Въ еврейскомъ текстѣ параллельнаго мѣста библiи (I. Нав. VII, 1. 18) мы читаемъ: Аханъ (въ 1 Пар. II, 7 — Ахаръ), сынъ Хармiя, сына Завдiя (=Зеведея), сына Зары. Мець предполагаетъ, что слова „сынъ Хармiя“ въ еврейскомъ текстѣ явилась какъ ошибочная глосса. Доказательство этому Мець видитъ въ ходѣ самого повѣствованiя 7 главы I. Навина. По нему сначала было указано колѣно Иудино (ст. 16), далѣе племя Зары, изъ племени Зарина семейство Завдiя (ст. 17), изъ семейства Завдiя Аханъ (стр. 18). Такимъ образомъ, хотя въ еврейскомъ текстѣ Аханъ называется сыномъ Хармiя, на самомъ же дѣлѣ онъ представляется здѣсь сыномъ Завдiя. Что таково было и первоначальное еврейское чтенiе въ 7, 1 и 18, слѣды этого сохранились у LXX въ кодексахъ алекс. и ватик. въ 18 стихѣ, гдѣ эти кодексы вопреки еврейскому не имѣютъ выраженiя: сынъ Хармiя. Итакъ Иосифъ пользуется въ данномъ случаѣ первоначальнымъ еврейскимъ чтенiемъ.

3. Въ книгахъ Самуила Флавiй, вопреки мазоретскому тексту и кодексамъ алекс. и ватик., очень близокъ къ такъ называемому тексту Лукiана, раздѣляя нерѣдко его недостатки. Лишь въ четырехъ случаяхъ онъ отступаетъ отъ Лукiана, и то большею частью въ числовыхъ данныхъ. Тоже сходство замѣчается и въ чтенiи собственныхъ именъ; исключенiй здѣсь мало.

4. Труднѣе подвести общiй итогъ относительно книги Судей. Если во многихъ мѣстахъ Иосифъ повидимому со-

гласенъ съ текстомъ Лукіана, то въ столькихъ же приблизительно случаяхъ онъ разнится отъ него.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Мецъ на фактѣ весьма значительнаго сходства между Лукіановымъ текстомъ и текстомъ археологіи Іосифа. Фактъ этотъ весьма интересенъ; но онъ не совершенно новъ. Еще ранѣе ученые подмѣчали большое сходство между текстомъ Лукіана съ одной стороны и древнелатинскимъ переводомъ и даже цитатами Іустина съ другой стороны. И если традиціонный взглядъ ученыхъ на речеизію Лукіана побуждалъ большинство ученыхъ относить италіу, въ виду ея зависимости отъ текста Лукіана, къ началу лишь 3-го вѣка, то Driver прямо заявляетъ: „итала согласуется съ Лукіаномъ; она же вышла изъ втораго вѣка, слѣдовательно текстъ Лукіана долженъ быть древнѣе, чѣмъ Лукіанъ“. Точно также, если Bousset, замѣтивъ сходство между текстомъ Лукіана и цитатами Іустина, думалъ, что переписчики послѣдняго исправляли его цитаты по тому виду LXX, который издалъ Лукіанъ, то напротивъ Шюреръ утверждалъ, что не всякое чтеніе, находимое теперь въ рукописяхъ Лукіана, слѣдуетъ считать послѣіустиновскимъ, такъ какъ Лукіанъ могъ сохранить древнѣйшее сокровище. Сходство же Іосифа Флавія съ текстомъ Лукіана, по мнѣнію Меца, окончательно подтверждаетъ мысль, что текстъ Лукіана древнѣе самого Лукіана. Итакъ, передъ Оригеномъ, говоритъ Мецъ, было двѣ греческихъ бібліи (собственно рѣчь о книгахъ Судей и Самуила): текстъ ватиканскій, имѣвшій своимъ отечествомъ вѣрояно Египеть, и сиро-италійская біблія, въ чистомъ своемъ видѣ сохранившаяся въ такъ называемыхъ лукіановыхъ рукописяхъ. Естественно возникаетъ теперь вопросъ, если Оригенъ въ текстѣ *ἐξδομήχοντα* помѣстилъ ватиканскій кодексъ, то неужели ничего не знали онъ о перволюкіанѣ? Оригенъ зналъ кромѣ LXX другой древній переводъ — Θεοδοτίου. Извѣстно сходство между переводомъ Θεοδοτίου и цитатами изъ Гермы, Климента Римскаго и даже изъ новозавѣтныхъ писаній, давшее поводъ Гарнаку еще въ 1885 г. спросить: „былъ ли Θεοδοτίου приблизительно современникомъ Іисуса и Павла, или существовалъ до его перевода другой, намъ неизвѣстный и съ нимъ сходный? (Th LZ. Sp. 267). Этого неизвѣстнаго родствен-

ника Θεοδοτία, говоритъ Мецъ, можно теперь называть: это былъ перволюкiанъ (Urlucian). Изъ перволюкiана явился первоѳеодотионъ.

Всѣ три послѣднiя изслѣдованiя, содержанiе которыхъ мы изложили, отличаются тщательностью работы и основательностью ближайшихъ выводовъ. Правда и здѣсь строго-разсудочныя соображенiя переходятъ по временамъ въ живые образы смѣлаго воображенiя. Тѣмъ не менѣе, подкрѣпляя другъ друга сходными и почти независимо добытыми результатами, они несомнѣнно внесутъ въ исторiю текста LXX нѣкоторый переворотъ. Что до послѣднiю времени считали относящимся ко 2 и 3 вѣку, то оказывается существующимъ еще въ началѣ новой эры, вмѣстѣ съ тѣмъ обычныя представленiя о рецензи Лукiана и переводѣ Θεοδοτία слѣдуетъ признать нѣсколько устарѣлыми.

Въ *Studien und Kritiken* (1898, 1) помѣщена статья Kautzsch'a по новоду англiйскаго изданiя фрагмента еврейскаго оригинала Премудрости I. С. Сираха. Въ ней сообщаются довольно любопытныя замѣчанiя касательно подлинника. Что греческiй текстъ Премудрости Сираха былъ не оригиналомъ, а переводомъ, это ясно изъ пролога переводчика. Но вопросъ о томъ, былъ ли оригиналъ этой книги еврейскiй или арамейскiй, до послѣднiю времени былъ спорнымъ. Всѣ споры разрѣшились сами собой съ открытiемъ части еврейскаго оригинала въ 1896 году, сначала фрагмента, заключавшаго въ себѣ 39, 15—40, 6, затѣмъ листовъ, содержащихъ 40, 9—49, 11. Мы не будемъ повторять ни исторiи открытiя, ни описанiя внѣшняго вида рукописи, вѣроятно уже извѣстныхъ русскимъ читателямъ, а воспользуемся нѣкоторыми замѣчанiями Kautzsch'a объ отношенiи еврейскаго новооткрытаго подлинника къ греческому переводу, замѣнявшему до сихъ поръ подлинникъ. Въ виду малаго промежутка, отдѣлявшаго автора и переводчика книги Премудрости Сираха, можно удивляться, говоритъ Kautzsch, обилiю грубыхъ отступленiй, допущенныхъ переводчикомъ частью вслѣдствiе произвола, частью вслѣдствiе непониманiя подлинника. Kautzsch приводит нѣсколько примѣровъ такихъ отступленiй, но мы ограничимся однимъ. Въ 49, 9 (русск. 11 ст.) LXX читаютъ: καὶ γὰρ ἐμνήσθη τῶν ἐχθρῶν ἐν ὀμβρῶν καὶ ἀγαθῶσαι τοὺς ἐδύτονας

ὄδοις (въ русскомъ переводѣ: онъ (т. е. Езекииль) напоминалъ о врагахъ подъ образомъ дождя (собственно: въ дождѣ) и возвѣщать доброе тѣмъ, которые исправляли пути свои). Еврейскій текстъ вмѣсто τῶν ἐχθρῶν, которому должно было бы соответствовать еврейское слово אֱוֹרָה (врагъ), имѣеть אֱוֹרָה (Иовъ). Такимъ образомъ смыслъ получается такой: онъ (т. е. Езекииль) напоминалъ объ Иовѣ въ дождѣ и т. д. Такое чтеніе 49. 9 получаетъ хорошій смыслъ въ виду Езек. 14, 13—14: *если бы какая земля согрѣшила предо Мною... и Я послалъ на нее голодъ... и еслибы нашлись въ ней сіи три мужа: Ной, Даниилъ и Иовъ, то они праведностью своею спасли бы только свои души, говоритъ Господь*. Кромѣ того оно оправдывается сирскимъ переводомъ, гдѣ тоже читается: „и объ Иовѣ говорилъ онъ“. Было бы несправедливо однако все недостатки греческаго перевода приписывать переводчику. Нѣкоторые изъ нихъ произошли вполнѣдствіи при перепискѣ. Напр. въ 43, 23 мы читаемъ καὶ ἐφύτευθεν αὐτῇ Ἰησοῦς (Ac.; ΒΣ—ΙΣ) т. е. и посадилъ ее (бездну) Иисусъ. Многіе богословы одобряли и защищали это чтеніе. Въ подлинникѣ же, въ соответствіе Ἰησοῦς, стоитъ אִיָּוִט т. е. острова. Очевидно греческое Ἰησοῦς явилось на мѣсто первоначальнаго νῆσους (αὐτῇ Ἰησοῦς вмѣсто αὐτῇ νῆσους). Впрочемъ, не всегда поврежденность оказывается на сторонѣ греческаго перевода. Есть мѣста, гдѣ порча замѣчается и въ оригиналѣ. Напр. въ 48, 13 греческій текстъ имѣеть: καὶ ἐν κοιμῶσι ἐπροφήτευσεν τὸ ὄμα αὐτοῦ (т. е. и по успеніи пророчествовало тѣло его т. е. Елисея). Греч. ἐπροφήτευσεν должно было соответствовать въ оригиналѣ אֶפְרָחִי. Но въ новооткрытомъ подлинникѣ вмѣсто этого слова стоитъ אֶפְרָחִי (Ниф. отъ אֶפְרָחִי—создавать), т. е. будетъ создано или возсоздано. Греческій текстъ имѣеть прямое отношеніе къ 4 Цар. 13, 21, гдѣ рассказывается объ оживленіи мертвеца, брошеннаго въ гробъ пр. Елисея, и потому долженъ быть признанъ болѣе вѣрнымъ. Итакъ, еслибы открытъ былъ весь еврейскій подлинникъ Премудрости Сираха—а это можетъ случиться: по крайней мѣрѣ Kautzsch на 11-мъ съѣздѣ ориенталистовъ въ Парижѣ слышалъ, что раввинъ Шлехтеръ нашелъ новые ффрагменты и надѣется отыскать всю рукопись (s. 199)—греческій переводъ все же не потеряетъ

своего значенія. Открытіе еврейскаго оригинала Премудрости Сириха можетъ имѣть значеніе не только текстуральное, но апологетическое. Въ 1887 г. Böhme, защищая позднѣйшее происхожденіе кн. пр. Іоны, признавъ 10 (по русской Библии 12) стихъ 49 главы („и двѣнадцать пророковъ— да процвѣтутъ ихъ кости отъ мѣста своего—утѣшали Іакова“) позднѣйшей вставкой. Но по счастливой случайности этотъ стихъ служить концомъ новооткрытаго фрагмента, гдѣ онъ имѣетъ тотъ же самый видъ. Это даетъ право утверждать съ рѣшительностью, что ко времени автора Премудрости, въ началѣ 2-го, а можетъ быть 3-го вѣка, въ канонѣ еврейскомъ находились всѣ 12 малыхъ пророковъ.

Кромѣ статей, содержаніе которыхъ мы сейчасъ изложили, печать оригинальности носятъ на себѣ нѣкоторыя журнальныя статьи историко-археологическаго характера съ такими на примѣръ заглавіями, какъ: *Быль ли израиль въ египтѣ?* (статья Schiele въ *Zeitschrift f. W. Theologie* 1898, 1)—*Муѡзъ о концѣ Содомы* (Kraetzschmar'a въ *Zeitschrift f. alttestamentliche Wissenschaft* 1897, 1), *Знакъ Каина, кемеи и обрѣзаніе* (Zcydner'a въ томъ же журналѣ за 1898, 1) и др. Въ отличіе отъ изложенныхъ нами, эти статьи покоятся на положеніяхъ, хотя и принятыхъ у рационалистическихъ писателей, тѣмъ не менѣе недоказанныхъ еще для всякаго безпристрастнаго ученаго. Поэтому въ отношеніи ихъ мы не можемъ ограничиться простой передачей ихъ содержанія, но должны подвергнуть ихъ и научной оцѣнкѣ. Въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ нашего журнала мы познакомимъ читателей и съ этими изслѣдованіями.

В. Мышцынъ.